

Кривоусова З.Г. Человек и обстоятельства в прозе В. Быкова // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XI Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1. Бийск, 2006. С. 294–300. - URL: https://vk.com/doc288907438_636684537?hash=Uvz1KIvpczf6q98xJ9Xtlz6GyCkAaTh22aGcPiVAz64&dl=gsq0SsFq3v65JpdRI0Mxpl1Sr9JKEqU7RCeYqJu9fTc

З.Г. Кривоусова

ЧЕЛОВЕК И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В ПРОЗЕ ВАСИЛЯ БЫКОВА*

Повести белорусского писателя В. Быкова по традиции относят к так называемой «прозе лейтенантов», связываемой с именами К. Воробьева, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Кондратьева, А. Адамовича и других. Появление в литературе этих авторов, прошедших войну рядовыми или младшими командирами, знаменовало начало второй волны военной прозы.

Произведения названных писателей во многом отличались от созданных в Великую Отечественную войну и первое послевоенное десятилетие. В то время в литературе преобладала публицистическая тенденция, установка на документальность и изображение героического характера советского человека, массовых подвигов. Молодых же прозаиков, заявивших о себе в конце 50-х – начале 60-х годов XX века, интересовали в первую очередь военные будни. Этим объясняется их пристальное внимание к рядовому солдату, тогдашнему их ровеснику, а также выбор морально-этического аспекта в изображении событий.

Война осознается авторами и их героями как не поддающийся логическому осмыслению хаос, постоянное пребывание человека на грани жизни и смерти. В абсурдном бытии персонажи К. Воробьева («Седой тополь», «Это мы, Господи!»), В. Астафьева («Звездопад», «Пастух и пастушка»), В. Быкова («Обелиск», «Сотников») ищут и находят нравственную опору, заключающуюся в личном противостоянии насилию и

* Впервые статья опубликована в сб.: Художественный текст: варианты интерпретации: В 2 ч. Ч. 1.– Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – 353 с. – С. 294 – 300.

компромиссу. Героический пафос сочетается в «лейтенантской прозе» с трагическим. Особенно это ощущается в белорусской литературе.

Белорусы пережили войну во всех ее проявлениях. Представители этого народа воевали в регулярной армии и в партизанских отрядах, оставались на оккупированной территории. Можно говорить о трех поколениях белорусских писателей, обращавшихся к теме войн: старшее – участники событий (А. Адамович, В. Быков), среднее – «дети войны» (В. Козько, Б. Саченко), младшее, несущее генетическую память о тех днях (С. Алексиевич). Произведения белорусских авторов вобрали в себя сложный, противоречивый, чаще всего безрадостный и трагический материал, что позволяет отнести их к экзистенциальному реализму.

Василь Быков, как и другие представители этого течения, обращается к непарадной стороне войны. «Среди ситуаций, образованных тяжелыми и очень тяжелыми обстоятельствами, В. Быков тщательнее и пристрастнее рассматривает одну: ситуацию выбора», – подчеркивает И. Дедков [2, с. 136].

В повестях белорусского прозаика практически нет победных эпизодов, связанных с традиционно понимаемой героической стороной войны. Он выбирает чаще всего ситуации отступления, разгрома, тяжелого боя, плена.

Фабулы произведений, созданных в 1970-е годы, элементарны, почти схематичны: движение героев к гибели. Безысходность такого пути подчеркивается «неуютом» окружающего персонажей пространства. Унылый осеннее-зимний пейзаж, слякотно-снежный холод, подчеркивающие бездомность и одиночество людей, – очень хорошо передают атмосферу тупика, в который загнаны персонажи.

Писателя, по его собственному признанию, интересуют «два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [3, с. 133]. Пограничная ситуация

позволяет сосредоточить внимание на внутреннем мире героя. Автора привлекают не физические, а духовные возможности человека.

Для решения поставленной задачи писатель выбирает в качестве персонажей своих повестей людей предельно обыкновенных, ничем не выделяющихся, подчеркнута негероических. Более того, подлинны герои, сознательно идущие на смерть во имя сохранения собственного «я», как правило, невыгодно выглядят на фоне окружающих. Они больны, неказисты на вид, имеют сугубо мирные профессии. Таковы Мороз в «Обелиске», Сотников в одноименной повести, многочисленные лейтенанты и жители белорусских деревень, не отличающиеся ни внешней красотой, ни военной выправкой.

Чаще всего такие герои при первом знакомстве вызывают недоумение и даже неприязнь. Их поступки не понятны обывателю, так как не имеют сколько-нибудь значительных последствий, не наносят ощутимого урона врагу. Гибель этих людей остается практически никем не замеченной (лейтенант Ивановский из «Дожить до рассвета») или вызывает кривотолки (Мороз из «Обелиска»).

Однако в процессе развития событий выясняется, что именно эти обыкновенные люди и способны на подлинный героизм, поскольку подвиг в представлении Быкова – это не количество убитых немцев и не «безумство храбрых» на виду у всех, а способность выстоять, не предать других, не осквернить лучшее в себе, когда нет свидетелей и никто не узнает о проявленной силе духа.

Предатель, собственно, губит не только других, но в первую очередь – себя. Конфликт героизма и предательства можно назвать ключевым в творчестве белорусского прозаика. В его повестях всегда действуют два центральных персонажа, судьбы которых имеют отношение к этой проблеме. Из тупиковой ситуации герои Быкова находят выход, но он всегда и безусловно ведет к гибели: одного – к физической, другого – к нравственной. Формально их поступки ничего не решают в общем исходе большой войны,

но фактически именно из конкретных действий маленьких людей, преодолевающих собственную слабость, трусость, боль, складывается Победа.

Тип героя и конфликт непосредственно связаны с выбором хронотопа. «Время–пространство изображаемой жизни» (М. Бахтин) у Быкова образовано войной и подчинено ей. <…> Быковский вариант военного хронотопа опирается на классический «хронотоп дороги» (М. Бахтин), то есть преодолеваемого пространства» [2, с. 76]. Персонажи повестей преодолевают напряженное военное пространство, продвигаясь физически к своей гибели, а нравственно совершая восхождение к высотам духа.

Со второй половины 1980-х годов проза В. Быкова значительно изменяется. Война из конкретно-исторического события превращается в нравственно-философскую категорию. Действие повестей, созданных в это время, происходит не только в период Великой Отечественной войны, но и в довоенное время («Облава»). Обращение же автора к войне все чаще воспринимается лишь как попытка восстановить причинно-следственные связи.

Писатель и раньше обращал внимание на непрерывность исторического процесса, а в 1980-е годы эта тема занимает в его творчестве одну из ведущих позиций. Судьбы человека и человечества в послевоенной жизни мотивированы предшествующим периодом («Карьер»), равно как корни проблем, возникших во время войны, уходят в глубь довоенных лет («Стужа»).

По-прежнему важным остается для В. Быкова вопрос героизма и предательства, но решается он уже не столь однозначно, как раньше. Варианты образов предателей выведены в «Карьере»: от сознательного перехода на сторону врага до вынужденного предательства, вызванного страшными пытками. Одних героев автор осуждает, других – прощает, но, пожалуй, всего важнее для него мысль, прозвучавшая еще в «Обелиске»: каждая судьба требует внимания, нельзя ко всем подходить с одной меркой. Главное же – никто не способен судить человека строже и беспощаднее его

самого. Предательство Агеева, которого окружающие считают героем, не в подписании соглашения о сотрудничестве с немцами. Вина его заключается в том, что отправил на верную смерть любимую женщину, фактически оплатив ее и еще не рожденного ребенка жизнями спасение своей репутации.

Диалектика героизма и предательства лежит и в основе сюжета повести «Облава», мироощущение персонажей которой можно определить как военное, хотя повесть посвящена событиям 1930-х годов. Против маленького человека, белорусского крестьянина, виновного лишь в добросовестности и трудолюбии, ополчается не только власть, государство, но и его родной сын, отрекшийся от отца. Писатель демонстрирует нам, «как вдруг начинают рушиться миры», как нормальная жизнь человека превращается в абсурд, «обращая в свою противоположность самый смысл его существования» [4, с. 222].

С течением времени при прежних доминантах (герой, ситуация, хронотоп) проза В.Быкова меняется в частности, в деталях. Повесть «Стужа» (1993) знаменует собой еще одну попытку выявить корни борьбы «своих против своих». Этот конфликт занимает писателя, как уже было отмечено, с 1980-х годов. Вопросы о причинах предательства, возможности и невозможности его оправдания, предательстве истинном и мнимом, сознательном и вынужденном поднимались в «Карьере», «В тумане».

1990-е годы открыли в развитии этой темы новый поворот, заявленный в свое время повестью «Мертвым не больно»: противостояние рядовых людей представителям государственной власти (чаще всего – работникам райкомов, НКВД-шникам, партийным начальникам). Как известно, после публикации этого произведения писатель подвергся критике, а повесть была запрещена. Ситуация 1990-х годов вернула Быкова к прежней проблеме.

Получившие известность материалы, – в частности, касающиеся истории партизанского движения, – продемонстрировали неоднозначность самого понятия Великая Отечественная война. В повестях «Стужа», «Полюби меня,

солдатик» нет как таковых ни обвинений, ни оправданий персонажей, но есть желание понять тех и других.

Особенно показательна в этом отношении «Стужа», в которой обращает на себя внимание ситуация переоценки ценностей главным героем. Азевич понимает, за что ниспосланы ему враждебность человеческого и природного мира (стужа, отсутствие ориентира, тотальный страх и бесконечное одиночество). Только раскаяние позволяет бывшему работнику райкома, прошедшему путь от служения идее до грубого попрания человеческой морали, найти выход из тупика. Спасение героя заключается не только в сохранении его жизни, но прежде всего – в понимании им своей вины, в обретении утраченных нравственных основ.

Пример внеклассового подхода к людям, понимания самооценности человеческой жизни преподносит Азевичу выходявшая его женщина. У нее был повод выдать бывшего партийного функционера фашистам, и сам герой на ее месте, возможно, именно так и поступил бы. Но хозяйка хутора спасла Азевича, поделилась с ним последними припасами, что равносильно прощению и отпущению его грехов. Уходящий от нее мужчина понимает, что закон социальный не равен, а нередко и вступает в противоречие с законом человеческим.

Последние произведения В. Быкова, объединенные в две книги [5], одна из которых («Волчья яма») – с авторским предисловием, отмечены подчеркнутым аскетизмом и «максимализмом в постановке и решении нравственных вопросов»[6, с. 8]. Кроме жанра повести, в книгах 2001-2002 годов мы обнаруживаем рассказы, их большинство: «Политрук Коломиец», «Очная ставка», «Пасхальное яичко», «Бедные люди») и притчи («Лесное счастье», «Идея», «Оборонка», «Камень»).

Материал в этих небольших по объему рассказах настолько плотно спрессован, что при разворачивании его энергия действует на читателя очень сильно. Поздняя проза Быкова – это фактически повести, сжатые до предела. Границы главного конкретно-исторического времени, каким всегда была для

писателя Великая Отечественная война, размываются, утрачивают былую четкость. Можно предположить, что это связано с завершившимся к моменту выхода книг в свет XX веком, объединившим под своим знаком те многочисленные и разнообразные трагедии, о которых повествует автор.

В обеих книгах произведения о войне («Политрук Коломиец») соседствуют с сюжетами послевоенного времени («Очная ставка», «Пасхальное яичко»), 1970-х годов («Бедные люди»), перестройки и постперестроечного периода («Волчья яма» – о Чернобыле, «Катастрофа» – о жизни бомжа). Мироощущение героев – трагическая безысходность. Обстоятельства, которые загоняют их в тупик, не снимают ответственности с самих людей. Экзистенциальные ситуации в поздней прозе В. Быкова углубляются, становятся роковыми, а герои – всё более подчиняются им.

Из персонажей двух последних книг писателя лишь единицы способны заявить протест, бросить вызов судьбе, но и они не в силах противостоять воле рока. Попытка защитить себя («Волчья яма», «Бедные люди»), жизнь близких («Пасхальное яичко», «Очная ставка»), родину («Политрук Коломиец») равносильна подписанию смертного приговора самому себе. Экзистенциальная ситуация превращается в привычную, повседневную, воспринимается героями не как нечто экстраординарное, а как обыденность («Труба»).

Ужас этой метаморфозы отражается в поэтике заглавий. В 1970-е годы названия повестей Быкова были амбивалентными, трагическое сочеталось в них с оптимистическим («Обелиск», «Альпийская баллада», «Круглянский мост»). Уже в 1980-е годы печальная нота в их звучании усиливается («Пойти и не вернуться», «Знак беды», «В тумане», «Облава»). Заглавия же произведений, собранных в последних книгах, однозначно трагичны («Волчья яма», «Катастрофа», «Труба»). Они по-прежнему лаконичны и смыслоёмки, но совершенно лишены какого бы то ни было позитива.

Автор не оставляет ни героям, ни читателям никакой надежды на торжество справедливости. Пасхальное яичко в одноименном рассказе не

просто разбито Выползком, что само по себе кощунственно, но становится причиной преступления и, в конечном итоге, гибели Ганки. Солдат-дезертир и бывший офицер, ищущие спасения в Чернобыльской зоне, находят там смерть («Волчья яма»). Профессор Скварыш, подозревающий в провокаторстве своего аспиранта, доносит на него сам и ужасается гнусности своего поступка («Бедные люди»).

Суть этой жесткой, доходящей до натурализма прозы может быть выражена во взаимно соотносимых заглавиях трех произведений: «Волчья яма» (место, в котором оказалось человечество), «Катастрофа» (мироощущение героев), «Бедные люди» (авторское отношение к ним).

Показательно, что писатель никого не оправдывает, но пытается избежать и осуждения своих персонажей. Он, скорее, сожалеет об их судьбах. Рассказ «Бедные люди», давший название одной из книг, завершается знаменательной фразой: «Бедный, несчастный аспирант Краснянский. Бедный, несчастный профессор Скварыш». Тот, кто предал, донес, убил, заслуживает жалости так же, как и тот, кого предали, убили.

В конечном итоге каждый расплачивается за минутный компромисс: Ганка – за то, что стала женой Выползка («Пасхальное яичко»), Коломиец – за ложь во спасение («Политрук Коломиец»), Казак – за неспособность противостоять напору обстоятельств («Катастрофа»). Заключительные слова этого рассказа могут быть отнесены к любому из сюжетов, хотя речь идет о конкретном и достаточно мелком событии – разбитой бутылке водки, в которой для Казака (казак, превратившийся в бомжа) заключается смысл жизни: «Это была катастрофа – огромная, на весь белый свет. А виноват только он сам. Потому было так обидно, как никогда в жизни» [7, с. 333].

Пережив войну и гонения, Василь Быков пишет в конце жизни о сложности и неоднозначности произошедших в 1990-е годы общественных процессов. Предваряющее книгу «Волчья яма» авторское «Слово к читателю» дает представление о степени погружения в эпоху: «Наша вожделенная и неожиданно свалившаяся свобода разрушала тягостную, обременительную, но

за семьдесят лет ставшую привычной гармонию человеческих отношений с еще большим успехом, чем это делала коммунистическая несвобода. <…> Испытанные в веках традиционные ценности на глазах девальвировались, литература как классический искатель и хранитель истины быстро утрачивала свои исконные свойства <…>» [8, с. 11].

Признавая власть рока, судьбы, государства над человеком, писатель не снимает с героев ответственности за подчинение обстоятельствам. Более того, чем сильнее их гнет, тем серьезнее должно быть нравственное сопротивление ему, потому что мир держится именно на обыкновенных, ничем не примечательных, способных противостоять разрушительным силам людях.

В страшных своей безысходностью поздних произведениях В. Быкова кроется утверждающее начало – авторская убежденность в том, что невозможно творить добро злом и жить согласно аморальным законам, вера в необходимость даже в самом малом оставаться человеком. Какими бы ни были условия, для белорусского писателя всегда «одна основательно выстраданная идея оставалась неизменной, это – идея неприятия зла, идея его отрицания» [8, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. См. об этом: Жибуль В. Белорусская проза о войне и классическая трагедия / В. Жибуль. – Минск: Мастац. літаратура, 1986. – 213 с.
2. Дедков И. Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял / И. Дедков. – М.: Сов. писатель, 1990. – 311 с.
3. Быков В. Великая академия – жизнь; Беседу вел Л. Лазарев / Л. Лазарев // Вопросы литературы. – 1975. – № 1.
4. Сердюченко В. Могикане. Заметки о прозе «отцов» в постсоветской литературной ситуации / В. Сердюченко // Новый мир. – 1996. – № 3.
5. Быков В. Волчья яма: Повести и рассказы; Пер. с белорус. / В. Быков. – М.: Текст, журнал «Дружба народов», 2001. – 335 с.; Быков В. Бедные люди: Повести, рассказы / В. Быков; Пер. с белорус. – М.: Вагриус, 2002. – 460 с.

6. Лазарев Л. Пожар еще не погашен... / Л. Лазарев// Быков В. Волчья яма: Повести и рассказы; Пер. с белорус. – М.: Текст, журнал «Дружба народов», 2001. – 335 с.

7. Быков В. Катастрофа / В. Быков// Быков В. Волчья яма: Повести и рассказы; Пер. с белорус. – М.: Текст, журнал «Дружба народов», 2001. – 335 с.

8. Быков В. Слово к читателю / В. Быков // Быков В. Волчья яма: Повести и рассказы; Пер. с белорус. – М.: Текст, журнал «Дружба народов», 2001. – 335 с.